

История СССР за рубежом

ПРИЗНАКИ ФЕОДАЛИЗМА И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

В. Т. ПАШУТО

Когда заходит речь о феодализме, наши оппоненты — буржуазные медиевисты, выдвигают обычно два положения. Одно негативное и ясное сводится к тому, что «между историко-научным и марксистским определениями феодализма нет ничего общего»¹. Другое, позитивное и смутное, касается самого «историко-научного» определения феодализма. Здесь налицо, как хорошо показал О. Бруннер, эклектическая пестрота мнений: понятие феодализма то сужается до общественной структуры позднеантичного периода, то распространяется на все формы земельной собственности и принуждения².

Практически, когда дело касается феодализма на Руси, буржуазные авторы отрицают его существование и в марксистском, и в своем понимании. Следуя заветам П. Б. Струве, они говорят о следующих «признаках» феодализма, которые появлялись лишь кое-где и на короткий срок. Это прежде всего вассалитет, во-вторых, княжеский суд и, наконец, рыцарская верность³. Ввиду отсутствия этих признаков Древняя Русь феодальной не признается.

Не обольщаясь надеждой быстро убедить буржуазных оппонентов в существовании на Руси феодализма в нашем его определении как общественной формации, как ступени в закономерном прогрессе человечества, ограничусь попыткой доказать, что им пора или менять свое понимание феодализма или признать Русь феодальной. Дело в том, что набор «признаков», лежащий в основе их понимания феодализма, можно найти в древнерусских источниках. Сделать это стоит не только ради полемики, но и для уточнения наших собственных представлений о малоизученных страницах истории политического строя средневековой Руси.

Вассалитет мы понимаем, разумеется, иначе, чем буржуазные историки. Мы видим в нем политическую форму, политическую и военную иерархию, соответствующую расчлененному характеру феодальной собственности на землю; иерархию, связанную с системой вооруженных дружин, при которой высшая военная и судебная власть принадлежит собственникам земли, а не крестьянству; ассоциацию привилегированных

¹ G. Stökl. *Russische Geschichte von Anfängen bis Gegenwart*, Stuttgart, 1962, S. 63.

² O. Brunner. «Feudalismus», Ein Beitrag zur Begriffsgeschichte. «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse», Jg. 1958, № 10, Wiesbaden, 1959, S. 591—627.

³ П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего... Париж, 1952, стр. 229; M. Hellmann. *Stat und Recht in Altrussland*. «Saeculum», München, 1954, Bd. 5, Hft. I, S. 41—64; Его же. *Probleme der Feudalismus in Russland*. «Studien zum mittelalterlichen Lehenwesen», ed. Th. Meyer, Konstanz, 1960, S. 236—258; ср. *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. Hft. I, 1962, S. 132 («мы ничего не знаем о феодализме» на Руси XII—XIII вв.); G. Stökl, *Op. cit.*, S. 71 ff.

монопольных земельных собственников, классово противостоящую угнетенному ими крестьянству; короче говоря, одно из средств внеэкономического принуждения⁴.

В этой статье мы, следуя за нашими оппонентами, будем заниматься преимущественно одной стороной этого института — формами регулирования внутренних противоречий, возникавших среди феодалов в ходе их борьбы за землю, за ренту, за иммунитет.

ПОДРУЧНИЧЕСТВО. КОРМЛЕНИЕ.

Вопрос о вассалитете подразделяется, в свою очередь, нашими оппонентами на два: один касается времени появления на Руси политической структуры на смену генеалогической (по Г. В. Вернадскому — середина XII в.⁵), другой — наличия связи между «вещным правом на землю и обязанностью службы» (по Г. В. Вернадскому — не было нигде, кроме Галичины XIII в.⁶, по П. Б. Струве — вовсе не было⁷). В досоветской историографии эти взгляды оспаривал с буржуазных же позиций Н. П. Павлов-Сильванский. Назвав свою работу «Феодализм в древней Руси»⁸, он, однако, почти не использовал материал ранних источников, который мы ниже приведем. Парадоксально, что часть этого материала была собрана отрицавшей «феодализм» юридической школой русских историков⁹. Не попал он и в поле зрения советской науки, давшей принципиально новую трактовку классовой сущности вассалитета¹⁰.

Признаком политической структуры Г. В. Вернадский считает подручничество. Посмотрим, когда же появилось подручничество. Подручниками считались те, кто получал в держание (кормление) города и волости. Факты такого рода многочисленны и появляются по времени задолго до середины XII в.

Владимир I, выбрав из варягов «мужи добры, смыслены», «раздая им грады»¹¹; Болеслав, вступив в Киев, просит Святополка: «розведете дружину мою по городом на покормь»¹². Изяслав, придя в Киев с польской дружиной, «распуца ляхы на покорм»¹³; Всеволод Ярославич, досаждаемый вассалами («сыновцами»), которые «хотяще властей (волостей) ов сея, ов же другое», смирял их тем, что «раздаваше волосте»¹⁴; Мстислав Владимирович, доверившись черниговскому Олегу, «распусти дружину по селом»¹⁵. Все это — факты кормления дружины, вассалов и подвассалов.

Кормление — это подручничество. Получив на снеме 1096 г. Тереволь от Святополка, князь Василько стал его вассалом — подручником, «ходя в руку его»¹⁶. Но это и кормление, ибо позднее, оставляя Володарю Перемышль, князь-сюзерены говорили: «пусти Василка семо, ать его кормим zde». Кормления шли и боярству¹⁷. Эта форма жила непрерывно¹⁸.

⁴ Подробнее см. Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 38—63; Л. В. Данилова, В. Т. Пашуто. Товарное производство на Руси (до XVII в.) «Вопросы истории», 1954, № 1, стр. 117—136. Следует пожалеть, что наши историки, посвятив немало работ собственности и обмену, до сих пор не дали сводного анализа проблемы распределения.

⁵ G. Vernadsky. *Kievan Russia*, New Haven, 1948, p. 184.

⁶ *Ibid.*, p. 185.

⁷ П. Б. Струве. Указ. соч., стр. 228.

⁸ Н. П. Павлов-Сильванский. *Феодализм в древней Руси*, изд. 2, М.—Пг., 1923.

⁹ См., напр., В. Сергеевич. *Русские юридические древности*, т. II, Спб., 1900, стр. 135, 164, 169 и др.

¹⁰ С. В. Юшков. *Общественно-политический строй и право Киевского государства*, М., 1949, стр. 329—343.

¹¹ ПВЛ, ч. I, стр. 56 (980 г.)

¹² Там же, стр. 97 (1018 г.)

¹³ Там же, стр. 116 (1069 г.)

¹⁴ ПСРЛ, т. II, стлб. 208 (1093 г.)

¹⁵ Там же, стлб. 229 (1097 г.)

¹⁶ Там же, стлб. 232.

¹⁷ Там же, стлб. 250. Ср. «Галицкие мужи» — бояре отмечали, что Владимирко их «кормил и любил» (там же, стлб. 466, 1153 г.); ср. князь Даниил «разда городы бярром и воеводам и бярше корма у них много» (там же, стлб. 771).

¹⁸ Там же, стлб. 289, стлб. 478 (1155 г.), стлб. 408 (1150 г.)

Перечисленные раздачи кормлений подручникам и держателям ничем не отличаются от подобных же актов (признаваемых Г. Вернадским феодальными) князя Даниила и его преемников¹⁹. Своеобразной формой вассалитета В. К. Гарданов считает кормильство²⁰. Кормление имело, видимо, два значения — доходы с административной службы и с земли. С утверждением собственных прав местных княжеских фамилий (1097) обе формы кормлений все шире распространяются на боярство, одновременно приобретая наследственный характер.

Вассальная служба была организована по нормам закона — Правды, согласно которой все категории вассалов — братья, сыновья, сыновцы, будь они ротники или подручники, знали свое место в феодальной иерархии. Вассалитет пронизан духом наследственной собственности, хотя и опутан патриархальной терминологией. Нормальной формой преемственности и сюзеренных и вассальных прав по нормам Правды было наследование братьев, которые и согласно правам местничества считались знатнее и старше сыновей; впрочем, этим правом, как мы старались показать в другом месте, часто пренебрегали вольные города²¹.

МЕСТНИЧЕСТВО

Считается, что местничество сложилось в пору образования централизованного государства²². Едва ли это верно; бесспорно, что оно существовало и понижывало княжескую, боярскую и дворянскую жизнь в Древней Руси. Г. Штёкль, повторяя Струве, пишет: «Не существовало правовой формы непосредственной связи между пожалованием земли и передачей власти на одной или нескольких ступенях, поэтому не приходится говорить о феодальной системе»²³. На самом деле все тяжбы князей как раз и шли из-за реального объема власти, зависевшей от размера пожалованной земли. О том же свидетельствует и местничество.

Вассал имел различные права, он мог рассчитывать на защиту сюзерена при угрозе врагов, на соблюдение своих местнических прав, на гарантию от опалы без вины, наконец, на личный суд. Когда рязанские Глебовичи пожаловались Всеволоду («ты господни и отец наш разсуди межи нами») на своего брата Романа, который, вопреки праву «уемает волости» у них, то сюзерен тотчас же перераспределил волости по «старейшинству»²⁴. Формулы родства и старейшинства, упоминаемые в постоянных спорах князей из-за столов, скрывали под собой и такой элемент вассалитета, как местничество. Можно проследить и появление соответствующих терминов.

Когда в середине XII в. Вячеслав и Изяслав делили власть в Киеве, они постоянно подчеркивали и свое местническое равенство. Вячеслав предлагал: «буде же оба в Киеве, аче нам будет который ряд или христианых или поганых, а иде же оба по месту»; в своем ответе Изяслав подтвердил свое согласие с этим принципом: «отче, кланяю ти ся, како есве рекла, тако же нам и дай бог быти по месту, доколе же и жива будеве». Они, действительно, так и правили: послов в Венгрию, например, отправили «оба скупившася по месту»²⁵; в письме Вячеслава к смоленскому Ростиславу Мстиславичу тоже говорилось: «се, брате, бог съвокупил нас по месту с твоим братом, а с моим сы-

¹⁹ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси, М., 1950, стр. 138—140, 146—147. Отличный материал о подручничестве — вассалитете см. ПСРЛ, т. II, стлб. 906—908 (1287 г.).

²⁰ В. К. Гарданов. Кормильство в Древней Руси. «Советская этнография», т. 6, 1959, стр. 57; ср. Его же. О «кормильце» и «кормилчиче» краткой редакции Русской Правды. «Кр. сообщ. Института этнографии», вып. 35, М., 1960, стр. 38—43; Его же. «Дядьки» Древней Руси. «Исторические записки», т. 71, стр. 236—250. О кормильцах см. также ПСРЛ, т. II, стлб. 546 (1171 г.); стлб. 609 (1179 г.). Ср. А. Е. Пресняков. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, стр. 234—238. Насколько устойчивы пережитки патриархальщины в княжеской среде, см. В. Л. Комарович. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв., ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 84—104.

²¹ В. Т. Пашуто. О мнимой соборности Древней Руси. Сб. «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма», М., 1962, стр. 192—204.

²² См. очень интересную работу: З. А. Василевская. Терминология местничества и родства. «Тр. Историко-архивного ин-та», т. 2, М., 1946, стр. 155 и сл.

²³ G. Stöckl. Op. cit., S. 70—71.

²⁴ ПСРЛ, т. XXV, стр. 89; т. I, вып. 2, стлб. 387—388 (1180 г.)

²⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 420 (1151 г.).

ном Изяславом»; Вячеслав звал князя приехать, «ать вся по месту видим, што ны бог явить»²⁶.

Можно предположить, что и термин, «поместье» возник уже в эту пору, означая распределение ленов по иерархии либо миром, либо как «мироположение в волостях»²⁷. При нарушении законных прав на надель обиженные роптали, как, например, черниговские князья на Всеволода Ольговича, «оже любовь имеет с Мьстиславичи, с шюрями своими, а с нашими ворогы и осажалъся ими около, а нам на безголове и безъместве»²⁸. Но князь пренебрег их домогательствами. Были и другие князья, которые считали, что «не идет место к голове, но голова — к месту»²⁹. На практике было, конечно, иначе.

Решения о распределении ленов принимались на сменах, где все собирались «по месту», т. е., видимо, строго соблюдая иерархию. Когда Изяслав Мстиславич, Юрий Долгорукий и все князья съехались в Пересопницу ко двору Вячеслава на снем, то «седшим им на едином месте и уладишася кде что свое познавшем лицем имати». Лицем — значит, по нормам Правды³⁰.

В 80-х годах XII в. в Киеве установилась новая диархическая власть Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, который, подобно Изяславу, «състоупися . старешинства и Киева, а собе взя всю Роускою землю»³¹. Когда эти князья созвали снем о Галичине, то собрались с вассалами: «и бывшим им по местоу всим и рядяшимся».

Если мы признаем, что «осадиться» вассалами, получающими «места», значит обеспечить себя «головами», т. е. дружиной, то понятнее будет нам и формула, когда князь ставит вассала командовать ратью «в себе место»³², т. е. с сохранением своих местнических прав, старейшинства и т. п.

Можно видеть, что местнический принцип действовал и в организации войск, как, вероятно, и в других органах власти и управления, почему летописцами и брались на заметку боярские выходцы от «племени смердья»³³, из поповичей³⁴ и т. п. и отмечались неосновательные попытки превратить дворян-отроков в бояр. Вот характерный пример. Когда бояре не поддержали намерение князя Владимира Мстиславича в тайномговоре с тюрками изменить Изяславу, он легкомысленно заявил, что превратит своих детских — младшую дружину в бояр: «а се будут мои бояре». Но тюрки не вняли такому словесному превращению и тотчас увидели обман — «ездиши один и без мужий своих, а нас перельстив» и сделали вывод: «а нам лучше в чюжую голову, нежели в свою» и обстреляли его отряд³⁵. Принцип старейшинства-местничества действовал при распределении волостей³⁶.

Как применялось местничество в войске, видно, из описания похода на половцев. Среди участников был известный воитель переяславский князь Владимир Глебович; он попросил разрешения «ездити на переди полком своим», его просьбу поддержали другие князья — участники похода, они ему «дале бяхуъ на переди ездити в Роуской земли», но князь Игорь Святославич «не да ему того»³⁷. История повторилась и во время похода Святослава с Рюриком³⁸. Чем кончилась попытка осуществить то, что

²⁶ Там же, стлб. 422 (1151 г.). Ср. требование, обращенное к Владимиру Володаревичу: «Изяслава ти ся не отлучати до живота своего, доколе же еси жив, но с ним ти быти на всех местех». (ПСРЛ, т. II, стлб. 453—454); Изяслав с венгерским королем «съехавшася по месту» (стлб. 454).

²⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 420 (1205 г.).

²⁸ ПСРЛ, т. II, стлб. 313 (1142 г.).

²⁹ Там же, стлб. 442 (1151 г.).

³⁰ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 326 (1149 г.).

³¹ ПСРЛ, т. II, стлб. 624 (1180 г.). Под властью Орды Киев был заменен Владимиром с тянущими к нему городами, а понятие «Русская земля» перешло на северо-восточную Русь.

³² ПСРЛ, т. II, стлб. 628 (1183 г.).

³³ Там же, стлб. 790.

³⁴ Там же, стлб. 789 (боярин Доброслав Судыч — «попов внук»), ср. Е. А. Вавилевская. Указ. соч., стр. 174 («псарев внук» и т. п.).

³⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 536 (1169 г.).

³⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 388 (1180 г.).

³⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 628 (1183 г.).

³⁸ Там же, стлб. 652 (1187 г.).

позже называлось «безмestьем», не знаем, но ясно одно, что главную роль в определении воеводных мест играла родовая знатность. Где бы ни собирались феодалы — в тереме, в монастыре, в шатре, на конях в походе, — каждый из них занимал на совете место, соответствующее его реальному положению в вассальной иерархии. Должны были существовать и родословцы. Местничество среди феодалов вытекало и из тех различий в их среде, которые отражены в юридических памятниках (Русской Правде, договорах и т. п.).

Приведенный материал, думается, дает основание изучать историю местничества, как, впрочем, и других институтов вассалитета, начиная с древнерусских времен. Местничество — одно из проявлений иммунитета, защиты феодалом служебных прав и доходов от собратьев по классу.

Нарушение вассального права в княжеской среде было чревато конфликтами. Когда черниговский Всеволод Ольгович завладел Киевской землей, он посадил сына в Турове, а сыновца — во Владимире-Волынском, а также попытался удержать за собой и землю «Вятичь», т. е. Чернигов и Новгород-Северский. Он немедленно встретил сопротивление со стороны своих братьев, которых думал наделить меньшими центрами во вновь полученных владениях: «бысть братья его тяжко сердце... волости бо дасть сынови, а братья не надели ничим же».

Подобное стремление сюзеренов к прямому наследованию и к единодержавию в ту пору осуждалось вассалами как самовластье. Святослав старался избежать конфликта: он «позва» своих братьев в Киев. Они съехались и расположились: Святослав, Владимир и Изяслав — в Ольжичах, а Игорь — у Городца. Снесясь между собой, князья установили, что их новый сюзерен («брат старейший») дает им лишь по «русскоземельному» городу (Берестье, Дорогичин, Черторыйск, Клеческ) в туровской и волынской землях, а «от отчины своея не дасть Вятичь». Взбунтовавшиеся вассалы не явились к князю на обед, велел ему передать: «се в Киеве седиши, а мы просим оу тебе Черниговской и Новгородской волости, а Киевское не хочем».

Князь вел с ними торг, а они угрожали бунтом: «ты нам брат старейший, аже ны не даси, а нас самем о себе поискати»³⁹. Князь согласился заменить Черторыйск двумя городами — Рогачевым и Городцом. На том и сошлись: вассалы «сташа на воли его» и прибыли в Киев «вси на едино место». Впрочем, торг на этом не кончился⁴⁰.

О наследственной структуре вассалитета есть и другие вполне ясные свидетельства. Когда во Вщиже умер Святослав Владимирович, то князь Олег настаивал, чтобы Святослав Всеволодович отвел ему долю оставшегося владения: «Олег бо просяше в Правду наделенья». Но тот «не пода ему, но вда брату своему лепшую волость, а сына посади в Вщижи». Иначе отнесся к этому делу князь Ростислав. Он «оусмотрив Правду», т. е. изучил документы и закон, убедился, что Святослав «обидеть Олга, тем же нача помогати» ему и неоднократно писал Святославу, «веля ему оу Правду наделити» Олега⁴¹. Дело привело к войне, в результате которой Святослав «да Олгови 4 города и хрест целоваста»⁴².

Вассал мог требовать надела по наследственному праву, по своему старейшинству, местническому превосходству над другими претендентами. А в трудную для сюзерена минуту вассал мог и набить себе цену, настаивать на новых пожалованиях. Когда Игорь Ольгович послал к своим братьям Владимиру и Изяславу с вопросом: «стоита ли, братья, оу мене оу хрестном целовани?»», то «она же и въспросиста оу него волостей много. Игорь же има вда и повеле има ити к себе; она же поидоста»⁴³.

Получая надел по закону, вассал по Правде же должен был нести службу сюзерену («отцу», «брату старейшему»). Когда битый поляками волынский князь Роман Мстиславич обратился за помощью к своему тестю киевскому Рюрику, тот, посоветовавшись с мужами, решил: «аже ми ся оуже молить и кається о своей вине всей, то яз его приму и ко кресту вожу и наделок ему даю (пренебрежительный тон понятен в

³⁹ Там же, стлб. 311 (1142 г.)

⁴⁰ Там же, стлб. 312.

⁴¹ Там же, стлб. 525 (1167 г.).

⁴² Там же, стлб. 526.

⁴³ Там же, стлб. 324 (1146 г.).

княжеском летописце), да же в томъ устоить и отцемъ мя имети почнуть во Правду и добра моего хотети, то яз и сыном имею собе, якоже и первое имел есмь ею и добра ему хотел»⁴⁴.

Можно было стать вассалом по наследству, а можно и по выслуге. Остфоршер — историк права Л. Шульц утверждает, что на Руси отсутствовали два существенных признака феодализма: во-первых, князья не распределяли земельных владений в качестве возмещения за оказанную службу: во-вторых, служебные должности были не наследственными, а временными⁴⁵. Источники свидетельствуют о другом. Ростислав Мстиславич дал Святославу Всеволодовичу Туров и Пинск, пояснив: «Се ти даю... про то, оже еси приехал к отцу моему Вячеславу и волости ми еси сблюл, то про то наделаю тя волостию». Святослав поклонился «и прия с радостью»⁴⁶.

Споры о наделах предполагают отличную осведомленность вассалов об экономической ценности и политической значимости того или иного податного и военного центра. Волинский Роман Мстиславич как-то сказал своему тестю Рюрику: «Отче, то ци про мене тебе не жити с сватом своим (речь идет о Всеволоде Юрьевиче, который за свое участие в обороне южной Руси потребовал от Рюрика земли, уже отданные им зятю) и в любовь не внити, а мне любо иноую волость в тое место даси, любо коунами даси за нее, во что боудеть была»⁴⁷. Эта денежная оценка стоимости земли (видимо, включавшей сумму налогов и ренты за определенный срок) — дело неновое. Вспомним, что на княжеском съезде в Уветичах, где происходил суд над Давыдом Игоревичем, у него отобрали Владимир-Волинский, дав взамен четыре города и 400 гривен⁴⁸.

Вассалы — и князья, и бояре, и дворяне — дружинники несли службу с земли. Численность княжой дружины зависела от экономических возможностей князя, от размеров его земли, шедшей в раздачу служилым вассалам. Так можно понять и свидетельство летописи. Дружина советовала волинскому Изяславу Мстиславичу продвинуться туда, где сидели его служилые вассалы: «Будешь на Тетереви, а ту к тебе дружина твоя вси приедуть», до Белгорода «доидеши.. а боле дружины к тебе приедеть»; советники основывались на том, что по Тетереву сидело «многое множество» дружинников⁴⁹.

Усложнение структуры земельной собственности затемнило содержание генеалогических терминов родства «единого деда» внуков, которым «отчины в угрех нетуть, ни в ляхах», а «токмо в Русской земли»⁵⁰, превратив их в юридическую форму вассалитета. Это затруднило и запутало приспособление к новым условиям политически раздробленного государства древних норм семейного наследственного права, ранее действовавших в едином домене «Русской земли».

Вассальные отношения между князьями оформлялись договорами — «рядами». Форм этих рядов, видимо, существовало множество, и можно только пожалеть о гибели несчетного числа договорных грамот, которые были едва ли беднее социально-экономическим материалом, чем дошедшие новгородские соглашения с князьями.

Одно из значений ряда — это договор между князьями о распределении ленов⁵¹ или добычи в зависимости от того, «кто како страдал за Русскую землю»⁵².

Договоры заключались на съездах князей, представителей вольных городов и т. п. Они были письменными и скреплялись крестоцелованием. Здесь существовали устойчивые формы внутренней дипломатии, отраженные в посольском церемониале⁵³.

⁴⁴ Там же, стлб. 688 (1195 г.).

⁴⁵ L. Schult z. *Russische Rechtsgeschichte*, Lahn., 1951, S. 32.

⁴⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 471 (1154 г.).

⁴⁷ Там же, стлб. 684—685 (1195 г.) ср. т. XX (I), стр. 140 («или цену, во что судна»).

⁴⁸ ПВЛ, ч. I, стр. 181 (1100 г.).

⁴⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 412—413 (1150 г.).

⁵⁰ ПСРЛ, т. II, стлб. 405 (1150 г.).

⁵¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 32 (1132 г.: князь «урядил» с братом, дав ему Переяславль), 59 (1154 г.: «ряд вси починим»), 115 (1217 г.; рязанские князья собрались «поряд положить межн себе»).

⁵² Там же, стр. 101 (1203 г.).

⁵³ Д. С. Лихачев. *Русский посольский обычай XI—XIII вв.* «Исторические записки», т. 18, стр. 42—55.

Связь поддерживалась через послов, которые осуществляли крестоцелование⁶⁴, представительство вместо своих князей и, может быть, наряду с ними⁵⁵ и т. п. Лены были юридически пожизненными.

ОБЯЗАННОСТИ ВАССАЛА

Характеризуя обязанности вассала, следует прежде всего назвать военную службу подле стремени сюзерена. Рязанские Глебовичи писали Всеволоду: «ты отец, ты господин, ты брат. Где твоя обида будет, мы переже тебе главы свои сложим за тя»⁵⁶. На деле подчинение рязанских вассалов оказалось делом хлопотным и до конца неудавшимся. Когда волынский Изяслав Мстиславич занял Киев, то отправил черниговского Игоря в поруб, а Святослава «поча» «водити подле себе»⁵⁷.

Нельзя видеть в юридических институтах лишь форму, надо стараться постичь очень сложное, многообразное содержание, скрытое за формулами вассалитета. После смерти галицкого Владимира его сын Ярослав, чтобы избежать войны, тоже признал себя вассалом Изяслава, но сопроводил это признание такими намеками, которые делали его покорность довольно призрачной. Он заявил: «Бог отца моего взял, а ты ми буди в отца место; а ты ся с моим отцем сам ведал, что межи вами было, а то оуже бог осудил; аже бог отца моего взял, а мене бог на его месте оставил, а полк его и дружина его оу мене суть, разве едино копие поставлено оу гроба его, а и то в руку мою есть. Ныне, отче, кланяю ти ся, прими мя, яко сына своего Мъстислава, также и мене; ать ездить Мъстислав подле твой стремень по одной стороне тебе, а я — по другой стороне подле твой стремень еждо с всеми своими полкы»⁵⁸. При своей силе галицкий Ярослав недолго был вассалом волынского князя.

Вассалы выторговывали себе не только более выгодные надель, но, спекулируя на трудностях сюзерена, всегда были готовы к бунту против него. Когда Изяслав Мстиславич завладел Киевом, прогнав Святослава Ольговича и заточив Игоря Ольговича, то другие черниговские князья Владимир Давыдович, Изяслав и Святослав Всеволодовичи, получив от нового сюзерена земли изгнанных, признали его власть «до живота своего». Но эта власть была им тяжела, и они, нарушив вассальную верность, вступили в тайныйговор с Юрием Долгоруким и беглым Святославом. Когда же Изяслав, получив от «приятелей» из Чернигова весть об этой измене, обличил их через посла, они «ничтоже могоша отвещати, толико съзрешася и долго молчавше». Лишь после продолжительной думы они вручили ему ответ, из которого видно, сколь сложен бы такой подневольный вассалитет, к тому же обеспеченный фактическим заложничеством их брата Игоря.

«Брате,— писали князья,— целовали есме крест к Святославу Ольговичу, жаль бо ны есть брата нашего держиши, Игоря, а он оуже чернець и схимник, а поусти брата нашего, а мы подле тебе ездим: тебе бы, брате, люболи а быхом мы брата твоего держали?»⁵⁹. Форма заложничества практиковалась и в отношениях с вассальной иноязычной знатью.

Иногда под формами вассалитета скрывались, напротив, отношения равновластия. Киев, подобно Новгороду, Смоленску⁶⁰ и, вероятно, другим вольным городам, приспособляясь к обстановке политической раздробленности, умел держать сразу нескольких князей⁶¹, позволяя им выступать в виде соправителей. Подобная форма диархии была, впрочем, известна и Хазарии⁶². Так правили в Киеве Изяслав Мстиславич с Вячеславом Владимировичем. Первый несколько раз обманывал второго и, наконец, решил: «Отче, кланяю ти ся, аж ми бог отца моего Мстислава отнял, а ты ми еси отеч, ныне кланяю ти; се съгрешил есмь и первое, а то ся каю, а изнова, коли ми

⁵⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 420 (1204 г.).

⁵⁵ Там же, стлб. 422 (1206 г.: когда Всеволод отправлял сына в Новгород, присутствовали его братья, бояре, купцы «и вси послаи братья его»).

⁵⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 403 (1186 г.); ср. стлб. 387—388 (1180 г.).

⁵⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 327 (1146 г.).

⁵⁸ Там же, стлб. 464—465 (1152 г.).

⁵⁹ Там же, стлб. 346.

⁶⁰ Так я понимаю и известие, восходящее к новгородскому своду XV в.: «и по сем разделиша Смоленск на три части» (Соф. I, под 1060 г.—ПВЛ, ч. II, стр. 391).

⁶¹ В. Т. Пашуто. О мнимой соборности, стр. 397.

⁶² См. М. И. Артамонов. История хазар, Л., 1962, стр. 408 и сл.

бог дал победить, Игоря у Киева, а я есмь на тебе чести не положил, а потом коли у Тумаща. Ныне же, отче, того всего каюся пред богом и пред тобою; оже ми, отче, того отдаси ты, то и бог ми отдасть. Ныне же, отче, се даю ти Киев, поеди, сяди же на столе деда своего и отца своего»⁶³. Следовательно, Изяслав, дав Киев Вячеславу, одновременно номинально признал его сюзереном.

Ответ Вячеслава вновь свидетельствует, что термины родства уже давно стали формой вассалитета. «Сыну, бог ти помози,— писал старый Вячеслав,— оже на мене еси честь възложил, то аще бы ты и давно тако оучинил, то ци мене еси почестил? Бога еси почестил. Се аже дееши «ты мой еси отец» (т. е. поскольку ты производишь вассальную присягу), а ты мой сын, оу тебе отца нету, а оу мене сына нетуть, а ты же мой сын, ты же мой брат». Т. е. Вячеслав, зная силу Изяслава, вполне здраво подчеркнул их юридическое равенство. На том князья «хрест честный целоваста, яко не разлучитися има ни в добре, ни в зле, но по одному месту быти». Формула их местного правового равенства имела под собой реальную основу — и во внутреннем управлении землей и во внешней политике: в дипломатической переписке из Киева уходило по две грамоты — от каждого из соправителей.

По смерти Изяслава (1154 г.) в такие же отношения встал к Вячеславу смоленский Ростислав Мстиславич, что видно из обращенных к нему слов старого князя⁶⁴.

Отмеченная форма вассалитета, конечно, далеко отстоит от подручничества, при котором сюзерен может свободно распоряжаться судьбой мелкого вассала, подчас стирая грань между ним и «простым» человеком. Когда Андрей Боголюбский, не рассчитав сил, вздумал помыкать смоленскими Ростиславичами, они напомнили ему: «мы тя до сих мест, акы отца имели по любви (вар.: «тя нарекли есмы отцем себе»), а еже еси с такими речми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что оумыслил еси, а то деи, а бог за всеми»⁶⁵.

Вассал — советник сюзерена. Великий князь Изяслав Мстиславич, чтобы решить вопрос о мире с Ольговичами, отправил мужей к смоленскому Ростиславу. Последний в своем ответе подчеркнул, что дает совет по поручению сюзерена: «Брате, кланяю ти ся. Ты еси мене старей, а како ты вгадаеши, а яз в том готов есмь. Аже брате, на мне честь подкладываеш, то яз бых, брате, тако рекл»⁶⁶. Далее он рекомендует попытаться заключить мир.

Обязанный являться по вызову сюзерена, вассал не мог делать это самовольно. Когда по смерти Изяслава Мстиславича на Днепр прибыл Изяслав Давыдович, то Вячеслав сказал ему: «пошто еси приехал и кто тя позвал, еди у свой Чернигов»⁶⁷.

Вассальная присяга — устойчивая норма феодального права. Когда Изяслав и Вячеслав заключили союз, они утвердились крестоцелованием на том, что «Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава»⁶⁸.

Понятно, что вассалитет давно вытеснил родство. Потерпев поражение, Глеб Юрьевич заявил Изяславу: «Яко мне Гюрги отец, тако мне и ты отец, а яз ти ся кланяю, ты ся с моим отцем сам ведаеш, а мене поусти к отцю»⁶⁹. Т. е. младший вассал пояснил, что его будущее будет определено его сюзереном.

Напротив, Ростислав, старший сын Юрия, поссорившись с отцом, пришел служить его врагу Изяславу, потому «оже ему отец волости не да». Он привес присягу новому сюзерену: «Отец мя переобидел и волости ми не дал и пришел есмь нарек бога и тебе, зане ты еси старей нас въ Володимирих вноуцех, а за Рускую землю хочю страдати и подле тебе ездити»⁷⁰. Новый сюзерен дал ему три города (Божский, Мезжибожье и Котельницу).

Принимая пожалованье, вассал не только произносил присягу верности, но и кланялся («бил челом») сюзерену. Юрий Долгорукий «да» сыну Андрею три города, тот

⁶³ ПСРЛ, т. II, стлб. 418 (1151 г.).

⁶⁴ Там же, стлб. 470—471.

⁶⁵ Там же, стлб. 573 (1174 г.).

⁶⁶ Там же, стлб. 365 (1148 г.).

⁶⁷ Там же, стлб. 469 (1154 г.); ср. ПВЛ, ч. I, стр. 202 («когда тя позову»).

⁶⁸ ПСРЛ, т. II, стлб. 399 (1150 г.).

⁶⁹ Там же, стлб. 395 (1150 г.).

⁷⁰ Там же, стлб. 366—367 (1148 г.).

«поклонившись отцу своему и шед» в Пересопницу⁷¹. Вассальные формулы были разнообразны: быть «за один», «во едино сердце», «за один брат», «за один муж» и т. п. Они перешли и в московскую юридическую практику⁷². Церемонию вассальной присяги, включая инвеституру мечом, прекрасно отражают древнерусские миниатюры⁷³.

Субвассалы не имели права принимать решений, подлежащих юрисдикции «старейших» (видимо, объем их прав был оговорен в той же не дошедшей рыцарской «Правде»). Ростислав Рюрикович, сын киевского великого князя, однажды явно нарушил это право, когда решил по просьбе черных клобуков отправиться на половцев. Приглашая в поход Ростислава Владимировича, он писал: «Брате, хотел бых ехати на вежа половечья, а отци наши далече соуть, а иных старейших нет, а мы будеве за старейшая»⁷⁴.

Два равные между собой сюзерена могли передавать друг другу своих вассалов. Святослав Ольгович просил Юрия Долгорукого помириться со своим вассалом: «ведя ему вряти в любовь сыновца своего Всеволодича»; суздальский князь послушал и «тому мир дасть»⁷⁵.

Сбросить власть сюзерена — снять старейшинство можно как будто только войной, т. е. с явным риском потерять свою землю, если не удалось загодя обзавестись другим не менее сильным сюзереном. Перед битвой под Переяславлем Долгорукий пенял Изяславу Мстиславичу: «Се, брате, на мя еси приходил и землю повоевал и старейшинство еси с мене снял (речь идет, быть может, о доле участия Юрия в управлении «Русской землей»), ныне же брате и сыну, Роуския земля и христьян дела не пролеиве крови хрестьянскы, но дай ми Переяславль, ать посажу сына своего... а ты седи царствуя в Киеве»⁷⁶. Т. е. Долгорукий требовал «причастья» в Русской земле, соглашаясь с тем, чтобы имперским главой Руси был Изяслав.

Нарушение договора одним из равных сюзеренов-союзников освобождало другого от всех обязательств. Когда смоленский Ростислав, будучи киевским великим князем, опасаясь Ольговичей, обнаружил готовность уступить им не только Киев «под собою», но и Переяславль «подо Мьстиславом» Изяславичем, последний заявил: «да ни мне будет Переяславля, ни тебе Киева» и, поворотив коня, уехал с дружиной от недавнего союзника⁷⁷.

П. Б. Струве утверждал, что на Руси отсутствовало «обязательство взаимной верности, которое составляло душу и определяло дух феодального права»⁷⁸. Ему поверили другие авторы⁷⁹.

На деле же вассал должен был сохранять верность сюзерену. Лишь в силу особых условий нарушение ее не вело к наказанию. Так, Глеб Юрьевич, изменив Ольговичам и сдав Городок Изяславу Мстиславичу, потом оправдывался: «поневоли есмь хрест целовал к Изяславу, оже мя был оступил в городе, а от вас ми помочи не было (т. е. сюзерены не защитили), ныне же всяко с вама хочю быти и прияю вама»⁸⁰. «Приятели» — значит союзники и вассалы. Они — один из элементов прочной власти. «Про што ми обрел еси Киев, а приятели ми не даси приимати»⁸¹ — жаловался Игорь Ольгович князю Всеволоду.

С торжеством феодализма вооруженные силы были отделены от народа. Дружина получала специальную профессиональную подготовку (владела мечом и копьем в конном и пешем строю), недоступную смердам, чье место было среди пешьцев. Лишь пешие и конные полки вольных городов могли противостоять дружинному войску.

⁷¹ Там же, стлб. 404 (1150 г.); т. I, в. 2, стлб. 403 («выбил челом»).

⁷² В. Сергеевич. Указ. соч., стр. 169.

⁷³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 30—34, 36.

⁷⁴ ПСРЛ, т. II, стлб. 671 (1190 г.)

⁷⁵ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 344 (1154 г.).

⁷⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 380 (1149 г.)

⁷⁷ Там же, стлб. 475 (1154 г.)

⁷⁸ П. Б. Струве. Указ. соч., стр. 229.

⁷⁹ М. Hellmann. Probleme des Feudalismus..., S. 247; ср. F. Gauss. Über die sogenannte germanische Treue. Historica, I, Praha, 1959, s. 71—121.

⁸⁰ ПСРЛ, т. II, стлб. 360 (1148 г.).

⁸¹ Там же, стлб. 316 (1144 г.); т. I вып. 2, стлб. 312.

Соблюдение присяги, верность сюзерену считались добродетелями русских рыцарей-дружинников. Обман осуждался кодексом феодальной чести, что не мешало ему процветать. Черниговские князья, которых Юрий Долгорукий однажды подвел под удар Изяслава Мстиславича, в другой раз отказались поддержать суздальского правителя, заявив: «а ныне целовала есве крест к Изяславу Мьстиславичю, с теми же хочеве быти, а душою не можеве играти»⁸². Князья прибегли к очень выразительному образу, чтобы подчеркнуть именно свою рыцарскую верность.

«Играть» — термин не простой. На Руси «игра» обозначала, кроме прочего, рыцарский турнир — это значение термина не попало в поле зрения И. И. Срезневского, хотя в летописи есть несколько свидетельств. Известно, что при Изяславе Мстиславиче в Киеве, на Ярославем дворе был устроен турнир, когда венгры «на фарех и на скоках играхуть... многое множество»⁸³. Почти через сто лет черниговский союзник венгров князь Ростислав Михайлович устроил турнир — «сотвори игру» — под осажденным Ярославом; князь сразился с венгерским рыцарем Воршем, но неудачно: «падесея под ним конь и вырази себе плече»⁸⁴.

Это все конные состязания, но были и пешие фехтования. Однажды, когда галицкие бояре сидели и совещались на думе, подготавливая убийство князя Данила, случилось войти князю Василько и в шутку обнажить меч на одного из княжеских слуг: «обнажившоу меч свой, играя, на слоугоу королева, иномоу похватившоу щит, играючи»⁸⁵. Описывая битву, происшедшую в Литве под городом Ворута, где русские и союзные им половецко-ятвяжские силы столкнулись с немецкими рыцарями, автор говорит: «гонишася на поли, подобно игре»⁸⁶. Во время одной из русско-польских встреч князь Болеслав посвятил в рыцари галицкую знатную молодежь («пасаше Болеслав сыны боярьскы мечем многы») ⁸⁷.

Конечно, Г. Вернадский может опять сказать, что это западные районы и дело объясняется влиянием из-за рубежа. Но турниры были известны и в другой части Руси, где не исчезли и позднее. В московском своде читаем: «Осей, кормиличичь князя великого, поколот бысть на Коломне в игрушке»⁸⁸.

Образ рыцаря широко проник и в церковную идеологию: православная церковь видела «воинов Христовых» в тех, кто участвовал в феодально-колониальном разбое на землях «поганых». Давно отмечено, что метафора «воин Христов» широко распространилась в русской житийной литературе⁸⁹. «Воинствующая церковь» — ходовое слово в летописях⁹⁰. Русский *miles Christi* и в этом смысле не отличался от крестоносца других стран Европы.

Понятно, среди вассалов было немало и кондотьеров, далеких от соблюдения норм права. В этом смысле примечателен берладский князь Иван Ростиславич, служивший в 1149—1162 г. попеременно киевскому Всеволоду, новгород-северскому Святославу Ольговичу, Ростиславу смоленскому, его врагу Юрию Долгорукому, наконец Изяславу черниговскому⁹¹. В 1162 г. он умер в Солуни, по слухам «с отравы».

Иван Берладник — не исключение. Это типичная для европейского средневековья фигура. Рязанский князь Константин Владимирович — участник убийства князей на съезде в Исадах, позднее тоже немало шатался по свету, служил и на Волыни и в Литве; псковский князь Владимир Мстиславич стал, в конце концов, вассалом Ордена,

⁸² ПСРЛ, т. II, стлб. 377 (1149 г.)

⁸³ Там же, стлб. 416 (1150 г.)

⁸⁴ Там же, стлб. 801 (1245 г.)

⁸⁵ Там же, стлб. 762. Этого рода подготовка была необходима, ибо во время битв воины нередко схватывались в рукопашную — «изручь бодяхуся» (там же, стлб. 811).

⁸⁶ Там же, стлб. 818.

⁸⁷ Там же, стлб. 386; см. также Н. П. Дашкевич. Рыцарство на Руси в жизни и поэзии. «Чтения в об-ве Нестора летописца», кн. 15, отд. II, вып. IV, К., 1901, стр. 95—150; кн. 16, отд. II, вып. IV, стр. 1—23.

⁸⁸ Троицкая летопись, стр. 436 (1390 г.)

⁸⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, М.—Л., 1947, стр. 103—109.

⁹⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 149, 152, 153, 191, 192.

⁹¹ ПСРЛ, т. II, стлб. 317 (1144 г.), стлб. 329 (1146 г.), стлб. 338 (1146 г.), стлб. 488 (1158 г.), стлб. 505 (1160 г.), стлб. 508 (1160 г.), стлб. 519 (1162 г.); НПЛ, стр. 28 (1149 г.); См. «Очерки истории СССР (IX—XIII вв.)», М., 1953, стр. 368—369.

черниговский Ростислав Михайлович — баном в Венгрии. Эти и подобные фигуры могли появиться только в очень сложных и запутанных общественно-политических условиях феодализма, чреватых постоянными войнами, избилующих снемами и «рядами», предательствами, разбоем.

Источники — летописи сохранили нам главным образом сведения о вассальных взаимоотношениях среди высшей группы феодалов-князей, но, имея в виду деятельность таких органов, как совет, снем, собор и вече, а также отдельные штрихи, характеризующие ближнюю дружину, мы можем заключать, что все феодальное сословие руководствовалось вассальным принципом.

Ведь вассальные обязательства князя зависели от воли его субвассалов бояр. Это учитывали князья в междоусобной борьбе. Князь Всеволод Ольгович, чтобы воздействовать на Мстислава Владимировича, «бояры его подьоучивая и дары дая, моляшесть им»⁹². Соглашение Вячеслава с Изяславом было утверждено при участии боярства: «на том же и моужи ею целоваша хрест, яко межи има добра хотети и чести ею стеречи и не сваживати ею»⁹³.

Князья старались иметь приспешников среди бояр своих соперников. Любопытный эпизод произошел, когда однажды бояре напугали овручского Рюрика и вышгородского Давыда известием, будто Изяслав Мстиславич зовет их на обед, чтобы захватить. Изяслав обратился к свидетельству своей боярской дружины, которая подтвердила его невиновность, заявив, что ничего не слышала, а без ее ведома князь не мог такое дело ни замыслить, ни осуществить. Изяслав тогда заявил напуганным князьям: «Крест целую к вама, яко лиха на ваю не замыслив, а вы ми выдайта, кто ны сваживаеть». На что Давыд резонно возразил: «а пакы ми кто повесть, оже тех выдам?» Дело окончилось крестоцелованием, «обаче сердце их не бе право» с Изяславом»⁹⁴.

Сильным князьям бояре служили поколениями, например, галицкие бояре Ивач Халдеев⁹⁵ и Избигнев Ивачевич⁹⁶; долгие годы нес службу Константин Серославич⁹⁷ — автор первой упомянутой летописью подложной грамоты. (Отправляя его с войском в Киев Ярослав Владимирович, как положено, снабдил его грамотой, определявшей срок и размер службы; боярин подделал грамоту и, сославшись на нее, увел войско назад). Продолжительное время служили Тудор Елчич⁹⁸ и Петр Бориславич⁹⁹ и др.

Бояре подчас единолично решали важнейшие дела своих князей. Молодого Ярослава Владимировича галицкие бояре однажды не допустили к участию в битве, заявив: «ты еси молод, а поеди прочь, и нас позоруй (смотри за ходом битвы), како ны будеть отец твой кормил и любил, а хочем за отца твоего честь и за твою головы своя сложити»¹⁰⁰. Это пример рыцарской верности вассалов, благодарных за доходные кормления.

Иногда, напротив, ближняя, боярская дружина отказывалась служить князю. Когда Ярослав Святополчич бежал из Владимира в Венгрию, то «бояре его отступиша от него»¹⁰¹. Дружина порой открыто отвергала замыслы князей. Когда Владимир Мстиславич изменил Мстиславу Изяславичу и тайно вступил в сговор с частью черных клобуков, он сообщил об этом дружине («являя им думу свою»); но та его не поддержала, заявив: «а собе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе — мы того не ведали»¹⁰². Замысел князя сорвался.

Были случаи частичной измены вассалов. Когда Святослав Ольгович, опасаясь Изяслава, оставил Новгород Северский, чтобы спастись в Карачеве у Долгорукого, то «дружина же его — они по нем идоша, а друзии ошаста его»¹⁰³.

⁹² ПСРЛ, т. II, стлб. 291 (1128 г.).

⁹³ Там же, стлб. 399 (1150 г.).

⁹⁴ Там же, стлб. 542—543 (1170 г.).

⁹⁵ Там же, стлб. 320 (1146 г.).

⁹⁶ Там же, стлб. 449, 497 (1152, 1159 гг.).

⁹⁷ Там же, стлб. 488 (1158 г.); 549 (1172). Смоленский боярин Борис Захарьич тоже долго служил. Там же, стлб. 531 (1169 г.), 609 (1178 г.).

⁹⁸ Там же, стлб. 507 (1160), 616 (1180 г.).

⁹⁹ Там же, стлб. 461 (1152 г.), 541 (1170 г.).

¹⁰⁰ Там же, стлб. 466—467 (1153 г.).

¹⁰¹ Там же, стлб. 285 (1117 г.).

¹⁰² Там же, стлб. 536 (1169 г.).

¹⁰³ Там же, стлб. 334 (1146 г.).

Могла дружина, и не выступая открыто, все же сорвать намерение князя. Так случилось с одним походом Андрея Боголюбского на Булгарию, когда вассалы «идучи не идяху», т. е. бойкотировали сбор в поход. Это — тревожный симптом их будущего бунта¹⁰⁴. Даже дружины сильных князей своевольничали во время походов. Всеволод Юрьевич должен был получить дань с Торжка, но местные власти «не управиша». Дружинники стали роптать — «начаша князю жаловатися: мы не целовать их приехали, они, княже, богови лжют и тебе» и «се рекше, удариша в коне и взяша город... на шит»¹⁰⁵. Не знаем, насколько это верно: придворный хронист был склонен все предосудительные деяния князя переключать на непокорных слуг¹⁰⁶. Но все же ясно, что князья, даже сильнейшие, были, в свою очередь, связаны волей боярства, прочность вассальной службы которого определялась множеством конкретно-исторических условий.

КНЯЖЕСКИЙ СУД

Г. Штёкль утверждает, что поскольку в Древней Руси отсутствовали учреждения, которые могли бы гарантировать преемственность государственности, «само государство и продолжительность его существования были функцией личности князя»¹⁰⁷. (Ср. П. Б. Струве: «Князь, опираясь на свой коллективный суверенитет, осуществляет его *Sit venia verbo* — в порядке анархии»)¹⁰⁸. Поэтому в книге Штёкля нет анализа деятельности органов власти и управления как государственных институтов. Лучшим опровержением подобного взгляда является материал, относящийся к княжескому суду. Последний основывался не на личном капризе, а на нормах права, и был функцией не личности, а класса.

Такой суд существовал в отношении крестьян, как это ясно видно из ст. 33 Русской Правды¹⁰⁹ и из тщетного требования восставших белозерских смердов¹¹⁰. Это суд угнетателей над угнетенными.

Но был суд и внутрисословный, одной из важнейших функций которого было урегулирование конфликтов из-за земли и службы с земли. Он распространялся на бояр, как это видно из судебной расправы с «кормолущими» боярами князя Даниила¹¹¹.

Там, где князь был сильнее, его суд мог обратиться и на церковную знать, как было при князьях суздальских. Богатый ростовский епископ лишился своего имущества по решению княжеского суда: «все богатство отяся от него некакою тяжеоу, судившю Ярославу (Всеволодовичу) тако, ту сущю ему на сонме»¹¹².

Можно думать, что на местах княжой суд происходил во время объезда сюзереном своих владений, сохранявшего древнее название — полюдье. Оно отмечено при Юрии Долгоруком в районе Димитрова¹¹³, при Всеволоде Юрьевиче в Ростове и в Переяславле¹¹⁴.

Суд сюзерена распространяли и на князей-вассалов. Чтобы лишить крупного вассала волости по праву надо было доказать его вину, нарушение им рыцарской Правды; сделать это можно было либо на снеме — съезде князей, как было при разборе известного дела об ослеплении князя Василько¹¹⁵, либо на суде сюзерена с его советом — думой.

Андрей Боголюбский лишил трех Ростиславичей владений в «Русской земле» за то, что те «не послушаша» требования о выдаче бояр, убивших его брата Глеба. Ростиславичи увидели в этом нарушение закона. Они писали Андрею: «Брате, в „Правду”

¹⁰⁴ Там же, стлб. 565 (1173 г.).

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 386 (1178 г.).

¹⁰⁶ См. НПЛ, стр. 36 (Всеволод «изгонив Новый търг и възя»).

¹⁰⁷ G. Stöckl. Op. cit. S. 80.

¹⁰⁸ П. Б. Струве. Указ. соч., стр. 81.

¹⁰⁹ ПРП, вып. I, стр. 79, 101.

¹¹⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 118.

¹¹¹ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 226, 143, 146.

¹¹² ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 452 (1228 г.).

¹¹³ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 77 (1154 г.).

¹¹⁴ ПСРЛ, т. II, стлб. 408—409 (1190 г.), ср. ПСРЛ, т. II, стлб. 528—529 (1168 г.).

¹¹⁵ ПВЛ, ч. I, стр. 181, стр. 174.

ты нарекли есмы отцемь себе и крест есмы целовали к тебе, и стоим в крестном целованьи, хотячи добра тебе. А се ныне брата нашего Романа вывел еси изь Киева, а нам путь кажеша изь Русьской земли нашее вины, да за всеми бог и сила крестнаа»¹¹⁶. Ростиславичи знали закон: без суда вассала отчины не лишать. Но Андрей шел на пролом¹¹⁷.

Процедура суда существовала давно, коль скоро она имела строго определенный, устойчивый порядок. Вот некоторые выразительные примеры. В Киеве был суд над Ростиславом, сыном Юрия Долгорукого. При дворе Изяслава Мстиславича стали обвинять («начаша... поведати») Ростислава в измене (покинув отца и перейдя на службу Изяславу, он держал, как мы видели, три города). Тогда Изяслав «посла по Ростислава», а когда тот явился, распорядился поставить ему шатер и «повелел» в нем сидеть.

Затем направил к нему своих мужей, которые передали слова сюзерена заподозренному вассалу: «се, брате, ты еси ко мне от отца пришел еси, оже отец тя приобидел и волости ти не дал; яз же тя приях в Правду, яко достойного брата своего и волость ти есмь дал, ако ни отець того вдал, что я тебе вдал... а то ти есмь рекл — се я, брате, идоу на отца твоего, а на своего стрья, а ты постережи Роуской земли, либо ся с ним оумирию, паки ли како мя с ним бог оуправить». Процитировав это свое распоряжение Ростиславу, Изяслав писал: «ты же еси, брате, удумал был тако, оже на мя бог отцю твоему помогл и тебе было въехавши в Киев, брата моего яти и сына моего и жену мою и дом мой взяти»¹¹⁸. Обвинение было серьезное.

Ростислав ответил следующее: «Брате и отче, яко ни в уме своем, ни на сердци ми того не было, паки ли на мя кто молвит, князь ли который, а се я к нему, моуж ли который в хрISTRYянех или в поганых, а ты мене старей, а ты мя с ним соуди». Т. е. он потребовал законного судебного разбирательства. Но Изяслав отверг это домогательство, опасаясь распрей: «Того на мне не проси, хотя мя заворожити с хрестьяными или с погаными, а ныне я того тебе не творю, но поиди к своему отцю». Отказав Ростиславу в праве на суд, Изяслав одновременно порвал с ним вассальную связь — выслал его в насаде в сопровождении четырех слуг, а дружину и имущество его забрал.

Вот другой пример. Князь Владимир Мстиславич решил изменить Мстиславу Изяславичу и «нача думати», видимо, с советниками своими, как это сделать. Но один из его мужей Василь Настасич раскрыл его замысел Давыду, а тот — Мстиславу. Узнав, что Мстиславу «явлена бысть дума его», Владимир приехал «оправливатися».

На этот раз суд происходил в Печерском монастыре. Мстислав велел провинившемуся вассалу сидеть в «икономли кельи», т. е. в келье эконома, а сам сел «в игуменьи кельи». Видимо, процедура суда исключала личное общение сюзерена с вассалом, который не допускался пред очи господина¹¹⁹. Мстислав послал спросить Владимира: «Брате, что дея еси приехал, а я по тя не посылал». В ответ через дьячка вассал сообщил: «брате, слышал есмь, оже суть молвили на мя злии человеци». Мстислав подтвердил: «поведал ми брат Давыд». Дальше судебная процедура пошла по закону, по Правде, появились правоведы и послухи. Мстислав послал за Давыдом, который прислал «на тяжу» Василя Настасича и «пристави к нему Радила тысяцкого и Василя Волковича», а потом, переждав три дня, и сам явился в монастырь. Со своей стороны Владимир тоже выставил правоведов — «мужи своя» Рагуила и Михалю. Представители сторон «начаша спиратися». Тогда «вылезе послух по Василю», некий Давыд Борынич. Когда дело приняло столь сложный оборот, что ему не виделось конца, князь Мстислав прервал суд и «положи то на бозе», а Владимиру сказал: «Брате, крест еси целовал, а и еще ти ни уста не осхла, но обаче то есть отец и дед наших оутвержение, а кто преступит, а бог ему буди судья; а ныне яко на мя еси не думал, а не ищеша ми лиха, целуй ми крест». Вассал вновь подтвердил свою верность и был отпущен в Котельницу¹²⁰. Однако он все же изменил, и Мстислав

¹¹⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 570.

¹¹⁷ Там же, стлб. 573 (1174 г.).

¹¹⁸ Там же, стлб. 373 (1149 г.).

¹¹⁹ Там же, стлб. 697 («в его воли быти и зрети на нь»).

¹²⁰ Там же, стлб. 535—536 (1169 г.).

о нем выразился так: он «ловить головы мояе всегда». Дружина не поддержала неверного вассала, который один нашел прибежище при дворе Андрея Боголюбского. Последний, сказав «а яз тя наделю», направил его в Рязань¹²¹.

Во Владимиро-Суздальской земле князья тоже чинили суд. По словам придворной летописи, князь Всеволод Юрьевич «судя суд истинен и нелицемерен, не обинуя лица сильных своих бояр, обидящих меньших и работающих сироты и насилье творящим»¹²². Сохранилось известие об его суде над группой вассальных рязанских князей, которые вступили в тайный сговор с Ольговичами («свещалися суть»), а к Всеволоду явились лицемерно («на льстех»).

Великий князь принимал рязанцев на берегу Оки, где стояли его шатры. Порядок был похож на известный нам по Киеву. «Целовав их», Всеволод «повеле им сести в шатре», а сам «седе в польстнищи», т. е. в части шатра, наглухо отделенной пологом. Он тоже стал сноситься с ними через посредников — «нача к ним слати» муромского князя Давыда и своего мужа Михаила Борисовича, видимо, правоведа, «на обличенье их». У рязанских князей, в свою очередь, были их «думцы». Разбирательство и в данном случае затянулось — «и ходящим им (речь идет о княжеских уполномоченных) долго время межи ими». Обвиняемые упорствовали: «онем же кленущимся и ротящим, яко несть то тако». Дело решили и здесь по закону послухи: «Глеб же и Олег Володимерича, братичича им своя, пришедше, обличиста их». Тогда «князь же великий, слышав, яко въображена (т. е. установлена) бысть истина, повеле изымати их с своими думцами и вести их» во Владимир. Приводится и точная дата, видимо, стоявшая в княжеском акте¹²³.

К вопросу о связи между «вещным правом на землю и обязанностью службы» надо тоже подходить конкретно-исторически. Нельзя утверждать, что вассал всегда терял свое владение, когда изменял сюзерену, однако иногда он лишался и головы, а князья мечтали о таких порядках, когда бы за провинность перед сюзереном князь-вассал платился волостью, а боярин-субвассал — жизнью («оже ся князь извинить, то в волость, а муж — у голову¹²⁴). Следовательно, нет оснований утверждать, что «отказ от службы не вел к потере владения»¹²⁵.

Говоря о тогдашней Руси, нельзя связывать себя устоявшимися нормами буржуазного права. Средние века — повсюду в Европе — время борьбы двух тенденций: единой державы и сепаратизма. Везде значение князя зависело от размера его земельных владений, а следовательно, и войска. Подручничество и кормление как формы вассалитета охватывали и князей, и бояр, и слуг (гридей, дворян, милостников, детей боярских — дружину в широком смысле слова). Источники позволяют утверждать, что представители всех групп собственников земли (включая вотчинников — князей, бояр, а кое-где и епископов) рассматривались верховной княжеской властью как вассалы.

Если князь был силен, то вассалы — и крупные бояре и мелкие князья — подчинялись ему, лишаясь за измену своих сел и «животов» (имущества)¹²⁶. Когда бояре Петр Борисович и Нестер послали своих холопов воровать коней из табуна князя Мстислава и пятнать их боярским тавром, князь их «отпустил от себе про ту вину», т. е. лишил своей милости и, вероятно, данных ранее наделов, почему бояре и озлобились на него¹²⁷.

Подобные казусы происходили по всей Руси, и в Галичине и в Суздальщине, где Андрей Боголюбский прогнал «передних мужей» своего отца, а Всеволод Юрьевич завладел землями крамольного боярства⁸; да что боярство, немало местных еписко-

¹²¹ Там же, стлб. 537.

¹²² ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 437. (1212 г.).

¹²³ Ср. в Эрмитажном списке свода 1479 г.: «а сам иде в други(й) шатер постельны»: — Проблемы источниковедения. в. XI, 1963, стр. 458. ПСРЛ, т. I, стлб. 430—431 (1207 г.).

¹²⁴ ПСРЛ, т. II, стлб. 603—604; Мстислав Владимирович лишил столов полоцких князей, которые «не слушаху его, коли е завяшеть». Там же, стлб. 303.

¹²⁵ G. Stöckl. Op. cit., S. 81.

¹²⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 409, 724, 754 и др.

¹²⁷ Там же, стлб. 541 (1170 г.).

¹²⁸ Там же, стлб. 520; т. I, в. 2, стлб. 382.

пов утратили власть и часть своих богатств в пользу великих князей¹²⁹. Жизнь была сложна, форм зависимости существовало множество. Если, оставляя одного сюзерена, вассал попадал к более сильному, он мог рассчитывать сохранить по крайней мере свой домен, свою отчину, в другом случае — нет.

ИМПЕРСКАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВА

В заключение — два слова о политической форме Древнерусского государства. Похоже на то, что вообще, вплоть до монгольского нашествия Киев признавал власть нескольких «старейших» князей Руси, т. е. юридически придерживался, видимо, оставленной ему (как и Новгороду) «Правды» Ярослава Мудрого.

Основу государственной территории собственно Древнерусского государства составляла «Русская земля», бывшая некогда княжеским доменом, размеры которого тщательно определены А. Н. Насоновым. В свою очередь Древнерусское государство распоряжалось обширной многоязычной империей, держа в разного рода вассальной зависимости территории свыше двадцати народов.

С развитием феодализма и «Русская земля» и сама древнерусская империя постепенно утратили единство. Первая трещина в ней относится к 1026 г.¹³⁰, затем в 1034—1054 гг. она была собрана при Ярославе, который в 1054 г. «наряди» своих сыновей, поделив домен на три доли¹³¹, в 1097 г. произошел новый раздел на три части с придачами¹³². Вновь собран был домен при Мономахе и затем после ряда неудачных попыток подчинить его личной власти кого-либо из сильнейших князей конституировался таким образом, что все князья, отвечающие за судьбы уцелевшей под властью Киева «Русской земли», требовали себе в ней «причастья»¹³³, т. е. доли земель и доходов, а свои права и обязанности определяли на общерусских сменах — русском варианте имперских съездов¹³⁴. На них, как правило, присутствовали князья той коалиции, которая в данный момент имела превосходство в «Русской земле».

Приглашаемый Киевом князь оставался номинальным главой и «Русской земли» и подвластной ей части империи. В судьбах «Русской земли» немалая роль принадлежала самому Киеву, боярское правительство которого, опираясь на подвластные владения и тюркский вассальный корпус, отстаивало свои права, видимо, подобно Новгороду и Владимиру-на-Клязьме, обеспечивая договором-рядом соблюдение сменяющимися князьями главного условия, а именно, что все территории, приобретенные ими или их наместниками в «Русской земле», полученные в кормление, захваченные или купленные, подлежали возврату по оставлении князем киевского стола или подвластных Киеву столов «причастий».

Сильнейшими князьями, ведшими борьбу за Киев — центр «Нижней Руси», были те же люди, что сталкивались и в борьбе за Новгород — центр «Верхней Руси», только соперничество это на беду исследователям отразилось не в боярской летописи (как в Новгороде), а в княжеском волынском своде конца XIII в., ставшем источником идеализации князей. Ученых почему-то не удивляет, что те же князья, попав в Новгород и на страницы тамошней летописи, оказываются алчными разбойниками. До сих пор историки продолжают противопоставлять Новгород Киеву, Владимиру или Перемышлю, не смущаясь тем, что для характеристики севера и юга страны в их руках находятся летописные источники, отражающие интересы не одинаковых соперничающих групп феодального класса.

¹²⁹ Епископ Федор (ЛПС, стр. 78, 1169 г.); грек Никола, поставленный за взятку митрополитом, не был допущен в епископию Всеволодом (ЛПС, стр. 94; 1185 г., ср. любопытное дополнение — т. XX (I), стр. 135); епископа Ивана прогнал Юрий Всеволодович (ЛПС, стр. 112, 1214 г.); епископа Кирилла — Ярослав Всеволодович (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стлб. 452, 1228 г.). Черниговского епископа Антония изгнал свой князь (ЛПС, стр. 76, 1168 г., ср. т. XX (I), стр. 124) за связь с ересью печерского игумена Поликарпа; черниговского епископа Перфурия хотел «яти» князь Всеволод Юрьевич (ЛПС, стр. 100, 1187 г.). Подобное происходило и в Галицко-Волынской земле (См. В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 15).

¹³⁰ ПСРЛ, т. II, стлб. 136.

¹³¹ Там же, стлб. 149—150.

¹³² Там же, стлб. 231.

¹³³ Там же, т. I, вып. 2, стлб. 321 (1148 г.); ПВЛ, ч. I, стр. 132 (1078).

¹³⁴ В. Т. Пашуто. О мнимой соборности, стр. 192—196.

В борьбе за «Русскую землю» (точнее, ту ее часть, которую князьям не удалось вырвать из-под власти Киева) наиболее влиятельными стали две коалиции: Суздаль — Галич и Волынь — Смоленск, важную роль играл также Чернигов.

Совместная суздальско-галицкая борьба за влияние на Киев при Юрии Долгоруком и Владимире Володаревиче сменились враждой сторон в годы княжения Андрея Боголюбского¹³⁵, а затем новыми более тесными союзными действиями владимиросуздальской (Всеволод Юрьевич) с галицкой (Ярослав Владимирович) и галицко-волинской (Роман Мстиславич) княжескими группировками. Притом, разумеется, продолжались и распри между союзниками из-за размеров «причастья». При Всеволоде Юрьевиче оно включало города Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев, т. е. опорные пункты тюркского корпуса и всей степной политики. Сам Всеволод в письме к киево-смоленскому Юрию Ростиславичу очень колоритно сформулировал свою роль в киевской земле: «Вы есте нарекли мя во своемъ племени в Володимире (за) старейшего — писал князь — а ныне (ты) сел еси в Кыеве, а мне еси части не оуделил (вар.— оучинил) в Роуской земле, но роздал еси инемь — молоджьшой братьи своей, даже мне в ней части нет, да то ты, а то Киев и Роуская область, а комоу еси в ней часть дал, да с тем же ю и блюди и стережи; до како ю с ним оудержишь, а то оузрю же, а мне не надобе»¹³⁶. Есть следы одновременного признания Киевом прав галицко-волинского и владимиросуздальского князей, которые, не занимая Киев лично, назначали сюда князя: «посади великий князь Всеволод и Роман (упоминание волинского Мстиславича похоже на пренебрежительную приписку) Иньгвара Ярославича в Кыеве»¹³⁷.

Летописи смоленских Ростиславичей и черниговских Ольговичей, обычно назначаемых на киевский стол, тщательно камуфлируют эту зависимость от воли старейших; в свою очередь, владимирская летопись склонна изображать суздальских князей в виде распорядителей судьбами не только Киева, но и самого Галича. Здесь читаем, что Всеволод возвращает Киев Юрию («да емоу опять») по его просьбе и по совету своего вассала Романа Мстиславича, который будто бы говорил Юрию: «то оуже еси крест целовал (владимиросуздальскому князю), пошли ты моуж своего ко свату своему, а я слю своего мужа ко отцю и господину великому князю Всеволоду и ты ся молчи, и я ся молю, а бы ти дал Киев опять»¹³⁸.

Здесь явно принижена роль Романа, ибо позднее, когда заключался мир с Ольговичами, то ко кресту водили и Всеволода Юрьевича и Романа Мстиславича¹³⁹. Суздальская летописная традиция давно изображает галицких князей подручниками: Ярослава Владимировича как младшего при Юрии Долгоруком¹⁴⁰, Владимира Ярославича как вассала при Всеволоде Юрьевиче¹⁴¹.

Тем не менее летопись ясно говорит, что к 1223 г. «старейшинами» — князьями на Руси, значит, за «причастье» обязанными охранять собственно «Русскую землю», были Мстислав Романович (Смоленск, Киев), Мстислав Святославич (Козельск, Чернигов), Мстислав Романович (Галич) — «то бо беахоу старейшины в Роуской земли», съехавшие на имперский «с(о)вет» всех князей в Киев; среди них должен был быть и владимиросуздальский Юрий, о котором летописец заметил: «Юрия же князя великого соуждальского не бы в том свете». Он, видимо, был отвлечен прибалтийскими делами и ограничился посылкой вспомогательной рати¹⁴².

Есть князья сюзерены — члены имперского совета. Есть и «млади князи»: это волинский Даниил Романович — вассал Удалого, черниговский Михаил Всеволодович, киевский Всеволод Мстиславич «и инии мнозии князи». Ясно, что эти более мелкие вассалы съехались в Киев во множестве.

¹³⁵ См. сведения об участии в киевской политике военной «галицкой помощи», достигавшей пяти полков, — ПСРЛ, т. II, стлб. 481, 488, 491, 500, 505, 507, 509, 517, 533, 546, 548—549, 616, 631.

¹³⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 683.

¹³⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 418 (1202 г.).

¹³⁸ Там же, стлб. 419 (1203 г.).

¹³⁹ Там же, стлб. 420 (1204 г.).

¹⁴⁰ Там же, стлб. 345, 347 (1155—1156 гг.); ср. т. II, стлб. 479 (1155 г.).

¹⁴¹ ПСРЛ, т. II, стлб. 667 (1190 г.). Видимо, здесь отрывок дружественного Всеволоду свода.

¹⁴² Там же, стлб. 741.

Итак, источники позволяют думать, что и после триумvirата Ярославичей, и после Мономаха на Руси сохранялась имперская форма правления, при которой киевский стол стал объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей¹⁴³.

* * *

Так обстоит дело с буржуазными «признаками» феодализма на Руси.

Может возникнуть вопрос, почему буржуазные историки до сих пор не разглядели в источниках этих важных институтов политического строя средневековой Руси и продолжают толковать об ее неевропейском прошлом? Видимо, потому, что на их пути все еще стоят призраки прошлого — Струве и Вернадский.

---

¹⁴³ См. В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 169, 197.

